

А.С.Андреев

Аргентина во внешней политике СССР в контексте левого движения (1945—1991 гг.)

В начале XXI в. Аргентина остается одним из основных партнеров Москвы в Латинской Америке. При этом инструменты, проблемы, контекст современного двустороннего сотрудничества формировались последовательно в течение всего послевоенного времени. В данной статье рассмотрены место и роль Аргентины во внешней политике СССР в эпоху холодной войны. На основании государственных документов, прессы, документов внешней политики показано, как связи между левым движением Аргентины и СССР влияли на двусторонние контакты. Рассматривая основные этапы развития отношений, автор выявляет факторы, повлиявшие на их становление. Описаны особенности, связанные с Аргентиной, в контексте латиноамериканского вектора внешней политики СССР во второй половине XX в., при этом особое внимание уделено соотношению между экономическими и политическими связями двух стран. В исследовании продемонстрировано, что специфика политического режима в Аргентине и оценки аргентинской внутренней политики, делавшиеся советской стороной, не оказывали прямого влияния на объемы торговли между странами; политические, экономические и идеологические контакты развивались параллельно и не были напрямую связаны.

Ключевые слова: внешняя политика, СССР, Аргентина, советско-аргентинские отношения, Коминтерн, левые.

DOI: 10.31857/S0044748X0025406-5

Статья поступила в редакцию 12.01.2023.

Несмотря на то, что Латинская Америка так ни разу и не стала приоритетным направлением внешней политики СССР, в течение XX в. страны региона постепенно обретали особые места и увеличивали в системе дипломатической работы Москвы. Вначале особое внимание Советского го-

Антон Сергеевич Андреев — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ, исследователь Центра ибероамериканских исследований СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, a.s.andreev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6635-4077>); доцент ГУАП.

Статья подготовлена по гранту РНФ 19-18-00305-П «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

сударства было приковано к Мексике, с которой уже в 1919 г. большевики попытались установить дипломатические отношения [1; 2], Южная Америка же долго время оставалась на периферии советской внешней политики. При этом уже в первые годы после Октябрьской революции Политбюро ВКП(б) и Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) увидели возможности сотрудничества со странами Латинской Америки, видя в них необходимых экономических партнеров, которые могли не только помочь Стране Советов справиться с острыми социальными проблемами (например, с обеспечением продовольствием), но и выступить в качестве рынка сбыта советских товаров [3].

Некоторые важные механизмы и принципы советской внешней политики в Латинской Америке, которые, однако, претерпели изменения в эпоху холодной войны под воздействием как эволюции системы международных отношений, так и внутренних политических и социально-экономических процессов, были заложены еще в эпоху Коминтерна. Российско-аргентинские отношения в XXI в. во многом основаны на традиции двусторонних связей, сформированных в предыдущем столетии, что определяет актуальность данного исследования.

Целью этой работы является выявление особенностей советско-аргентинских отношений в послевоенные годы в контексте левого движения. Для достижения этой цели автор кратко обозначил особенности аргентинского вектора советской дипломатии в эпоху Коминтерна, выделил этапы развития двусторонних связей в эпоху холодной войны, назвав основные факторы, менявшие тренды отношений и влиявшие на их динамику. Ключевой же вопрос исследования заключается в следующем: как традиции отношений, заложенные в эпоху Коминтерна, трансформировались во второй половине XX в. и что из них сохранилось впоследствии, став частью базиса современных связей Москвы и Буэнос-Айреса.

Особенности советской внешней политики в Аргентине уже не раз становились предметом специальных научных исследований. Зачастую связи Москвы и Буэнос-Айреса рассматривались в контексте советско-американского противостояния (к примеру, работа профессора Университета Майами Хайме Сучлилки [4]) или советской политики в странах третьего мира (сотрудница Королевского института международных отношений Марго Лайт [5]). Некоторые исследователи пытались определить место и роль Аргентины во внешней политике СССР со странами Южного конуса [6]. Особо стоит отметить работу профессора Колледжа Морских войн Войцеха Мастны (США), посвященную реакции Москвы на события Фолклендского кризиса [7]. В зарубежной литературе советско-аргентинские отношения рассматривались как в политическом, так и в экономическом контексте, в частности, именно развитию торгового партнерства Москвы и Буэнос-Айреса посвящены работы аргентинского ученого Марио Рапопорта [8]. Политические связи и влияние СССР на формирование левого движения в Аргентине рассматривались в научных трудах его соотечественников Эрнана Камареро (Университет Буэнос-Айреса [9]), а также Исидоро Хилберта [10]. При этом авторы большинства исследований обращают мало внимания на существовавшие связи внешней политики

СССР в Аргентине с состоянием и развитием местного левого движения. Анализ международных отношений проводится сквозь призму теории реализма, а советская дипломатия в Аргентине — сквозь призму прагматических интересов Москвы. В отдельных работах (к примеру, у В.Рэймонда Дункана [11]) рассмотрение советско-латиноамериканских отношений при этом вписано в контекст рабочего движения и поддержки Москвой латиноамериканских левых сил. Напротив, в значимых трудах Даниэля Кампионе, посвященных истории левого движения Аргентины [12], практически не уделяется внимания истории советско-аргентинских контактов. Развитие аргентинских левых организаций и становление их внешних связей описываются, прежде всего, в контекст международного и регионального левого движения [13], истории Коминтерна и его дочерних структур, но без обращения к истории советской дипломатии в Латинской Америке. Среди российских авторов можно выделить работы сотрудников В.П.Казакова [14] и А.А.Щелчкова [15], а также В.Л. и Л.С.Хейфецев [16], обращающихся к истории аргентинского левого движения и отдельным сюжетам, связанным с реакцией советского руководства на политические события в Аргентине. В этих исследованиях анализируются попытки установления дипломатических отношений СССР с государствами Южной Америки. При этом Хейфецы делают акцент на роли посланников Коминтерна в формировании позиции советского государства о возможностях дипломатии, но не рассматривают конкретные показатели торгово-экономического сотрудничества [17]. В целом в современной литературе отсутствуют работы, в которых дипломатические отношения, включая торгово-экономические связи, СССР и Аргентины были бы полностью вписаны в контекст международного коммунистического движения и развития аргентинских левых, что делает данное исследование актуальным.

ТРАДИЦИИ ЭПОХИ КОМИНТЕРНА

Начиная с 1920-х годов Аргентина рассматривалась советским руководством прежде всего как торговый партнер. Уже в конце 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) полагало, что необходимо установить экономические отношения с Буэнос-Айресом для закупки хлеба, что помогло бы советскому руководству решить проблемы голода, связанные с последствиями Гражданской войны, о чем в Москву сообщали, в том числе, и представители Коминтерна Михаил Алексеевич Комин-Александровский и Лусио Феликс Хосе Вайль [17, с. 9]; они рекомендовали НКВД завязать с Аргентиной контакты, которые могли бы привести к признанию Советской России.

При этом советское руководство, подготавливая списки потенциальных переговорщиков с Аргентиной и торговых представителей, прямо указывало на то, чтобы советские представители вели торговые переговоры, воздерживаясь от политических оценок и высказываний [18, с. 61]. Помимо закупок хлеба, Политбюро планировало договориться с Буэнос-Айресом о займах в обмен на преференции для аргентинских товаров, ввозимых в СССР. Советские органы власти формировали весьма прагматичную линию в отношениях с Аргентиной, сознательно отказываясь от политиче-

ского содержания торгово-экономических связей. При этом нарком иностранных дел СССР Георгий Васильевич Чичерин в 1924 г. заявлял о том, что Москва готова к возобновлению «дипломатических отношений как с Аргентиной, так и с иными странами Южной Америки, и готова ответить на любые инициативы латиноамериканских государств на основе взаимопонимания и поддержки» [19, с. 290.]. Линия советского руководства в отношении тех или иных латиноамериканских государств была разной. Что касается связей с Аргентиной, то тут СССР не только отделял экономику от политики, но также официальные государственные отношения — от контактов по линии Коминтерна и его дочерних структур, что не было характерно для некоторых иных латиноамериканских стран, например, Мексики, где приоритетом являлись именно политические, идеологические и геополитические вопросы.

В то же самое время в середине 1920-х годов III Интернационал уже видел в Буэнос-Айресе региональный центр латиноамериканского левого движения. В Аргентине в 1925 г. был основан Южноамериканский секретариат Коминтерна, через который осуществлялись организационные связи между руководством «всемирной коммунистической партии» и ее национальными секциями в Латинской Америке [20]. Буэнос-Айрес превратился в организационный, идеологический и финансовый центр III Интернационала в Южной Америке, туда стекалась информация о состоянии левого движения континента, которая затем передавалась в Москву для обсуждения и принятия решений. Через структуры Южноамериканского секретариата Коминтерна (ЮАСКИ) компартии региона получали финансирование и инструкции из СССР.

Одновременно со становлением контактов между Коминтерном, Буэнос-Айресом и Латинской Америкой происходило налаживание коммерческих связей Москвы с южноамериканским регионом. Для этих целей советское руководство создало особую структуру — «Южамторг», располагавшуюся в Буэнос-Айресе и занимавшуюся реализацией советских товаров на континенте и контрактами на поставки латиноамериканских товаров в советскую Россию. «Южамторг» обладал официальным статусом в Аргентине: закон об учреждении этой организации был подписан президентом Аргентины Марсело Альвеаром (1922—1928 г.) в конце 1927 г. Постепенно формировались ее представительства в соседних странах — Монтевидео (Уругвай), Порту-Алегри (Бразилия), Асунсьоне (Парагвай), Вальпараисо (Чили). В советской историографии традиционно отмечалось, что инициаторами установления отношений Буэнос-Айреса с Москвой были аргентинский рабочий класс, городская интеллигенция, которые требовали от руководства страны признания СССР и развития экономических связей, хотя на самом деле главным фактором, как показывает В.П.Казаков, были коммерческие интересы советского и аргентинского правительств [21, с. 48].

Торговые отношения СССР и Аргентины в межвоенную эпоху развивались успешно. Объемы советского экспорта увеличились с 3 тыс. руб. в 1926 г. до 12 млн руб. в 1930 г., а аргентинский импорт в СССР вырос за тот же период с 36 до 60 млн руб. [22, с. 83]. Цифры показывают, что

СССР являлся для Аргентины новым и перспективным рынком сбыта, однако номенклатура советских товаров в Аргентине была ограничена. Уже тогда начал возникать дисбаланс товарооборота: Аргентина поставляла в СССР значительно больше товаров, чем СССР в Аргентину. В то же время между Москвой и Буэнос-Айресом не было дипломатических отношений, которые возобновились на уровне посольств лишь в 1946 г. Рост экономических связей в довоенный период не приводил к активизации политических контактов, но при этом и не влиял на активность Коминтерна и его структур, на место и роль Буэнос-Айреса и компартии Аргентины в латиноамериканском векторе деятельности III Интернационала.

Среди традиций, сформированных в эпоху Коминтерна, следует назвать опосредованность контактов СССР и Аргентины: связи Москвы с левым движением формировались через Коминтерн и дочерние организации, а торгово-экономические — через специально созданное общество «Южамторг», не связанное напрямую с работой III Интернационала. Дискуссии в аргентинском обществе, позиция местных политических и экономических элит мешали установлению политических отношений, несмотря на желание советского руководства восстановить официальные связи с Буэнос-Айресом.

СССР И АРГЕНТИНА В ЭПОХУ ПЕРОНИЗМА (1946—1955)

12 июля 1946 г. в газете «Правда» была опубликована информация о назначении Михаила Григорьевича Сергеева Чрезвычайным и Полномочным послом в Республике Аргентина [23]. Сергеев стал первым послом СССР в Аргентине после Евгения Федоровича Штейна, назначенного послом в Буэнос-Айресе еще Временным правительством в сентябре 1917 г. Послом Аргентины в СССР стал Федерико Кантони [6, p. 131].

Важным фактором двусторонних отношений являлась политическая ситуация в Аргентине. С 1946 по 1955 г. во главе аргентинского государства стоял полковник Хуан Доминго Перон, деятельность которого вызывала разные оценки как у советского государства, так и у мирового левого движения. Несмотря на то, что Перон возглавлял и представлял Хустисиалистскую партию (*Partido Justicialista, PJ*), стремившуюся создать (по официальным утверждениям) справедливое социальное государство, практические шаги Перона — опора на армию, репрессии против оппонентов (включая коммунистов (*Partido Comunista de la Argentina, PCA*) и социалистов (*Partido Socialista, PS*) — с трудом можно было отнести к левой политике. Сами перонисты считали свою доктрину «третьим путем» — отличным как от капитализма, так и от социализма. Идеи Перона об индустриализации Аргентины, стремление к экономическому суверенитету поддерживались частью рабочего класса страны. При этом при Пероне формировалось профсоюзное движение на базе организаций, члены которых разделяли взгляды хустисиалистов, а традиционные левые силы и созданные ими рабочие организации подавлялись. Отношения с СССР в это время носили весьма двусмысленный характер: перонисты восстановили дипломатические отношения с Москвой, но при этом оставили под запретом деятельность коммунистической и социалистической партий, а проекты само-

го Перона, по оценкам аргентинского исследователя Э.Камареро, носили откровенно «социал-фашистский характер» [24]; акцент в них делался на строительстве корпоративного государства.

В советской печати Перон и перонизм зачастую оценивались негативно. Так, в публикации газеты «Правда» 1947 г. говорится о «бессмысленной клевете в адрес Советского Союза». Сам аргентинский лидер обвинялся в репрессиях в отношении социалистов и коммунистов, профсоюзного движения, а ситуация в Аргентине описывалась как политически и экономически сложная, где правительство и президент ищут причины своих неудач в деятельности оппозиции, куда они относят «и правых, и левых экстремистов» [25]. Одновременно с этим Перон от лица Аргентины в 1947 г. поздравлял Советский Союз с годовщиной Октябрьской революции и желал «счастья для великого Советского государства» [26]. Негативные оценки перонизма в советской прессе никоим образом не мешали ни Москве, ни Буэнос-Айресу развивать торгово-экономические связи. Коммерческие интересы оказывались выше политических разногласий.

В 1953 г. между СССР и Аргентиной было подписано торгово-платежное соглашение — первое в истории торговли с латиноамериканскими странами. В этот период времени многие страны Латинской Америки искали возможности для диверсификации экономики и снижения зависимости от североамериканских капиталов. Эта договоренность позволила СССР и Буэнос-Айресу развивать товарооборот на бартерной основе, минуя платежные процессы: Аргентина получала из СССР товары, необходимые для развития производства, — нефть, уголь, металл, а расплачивалась за них шерстью, кожсырьем, мясом, фактически открывая для себя новый рынок сбыта. Денежные расчеты были сведены к минимуму. Аргентинские эксперты подчеркивали, что результат этого соглашения был феноменальным: уже в 1953 г. товарооборот достиг 50 млн долл., а в 1954 — 71 млн долл., что стало рекордом для всей истории двусторонней торговли Буэнос-Айреса и Москвы [27, р. 157]. При Пероне развивалась и культурная дипломатия: например, в 1952 г. в Буэнос-Айресе было открыто представительство кинообъединение «Совэкспортфильм», занимавшееся переводом и прокатом советских кинокартин в Аргентине [28].

ВОЕННЫЕ ДИКТАТУРЫ В АРГЕНТИНЕ И ОТНОШЕНИЯ С МОСКВОЙ (1955—1983)

Отечественный ученый-латиноамериканист А.И.Сизоненко отмечал важность отношений с Аргентиной для всего латиноамериканского вектора внешнеэкономических связей СССР во второй половине 1950-х годов [29], Москва была крупным покупателем аргентинских товаров. В частности, в 1955—1959 гг. СССР вывозил из Аргентины 10-17% всего экспортируемого кожсырья и до 15-20% экспортируемой тонкой шерсти. Развивались и финансовые контакты. В 1958 г. Советский Союз предоставил Аргентине товарный кредит на 100 млн долл. для приобретения советского нефтеоборудования, который Буэнос-Айрес должен был вернуть в течение семи лет аргентинскими товарами с учетом 2,5% годовых. Такой шаг Москвы также стал важен для диверсификации товарных и фи-

нансовых связей Аргентины, долгое время ориентированных исключительно на американские рынки и банки. Стоит отметить, что СССР поставлял в Аргентину оборудование, необходимое для геологии, разведки ископаемых, бурения и эксплуатации нефтяных скважин, что потенциально решало проблемы в области энергоресурсов [22, р. 98]. При этом СССР искал возможности для расширения торгово-экономических отношений и с другими странами Латинской Америки, в частности с Бразилией, которую в 1961 г. посетила делегация Верховного совета СССР, а в 1962 г. — министр внешней торговли СССР Н.С.Патоличев [22, с.103].

В мае 1960 г. в Аргентину прибыла советская делегация во главе с председателем Совета Министров СССР А.Н.Косыгиным. Акцент в переговорах делался на экономических проблемах, оценке существующих договоренностей. Стороны подписали дополнительный протокол в отношении кредитного соглашения 1958 г., расширивший номенклатуру советских товаров, которые планировалось поставлять в Аргентину. В список вошло оборудование для дорожного строительства, станки, промышленное оборудование, подъемные машины и т.д. [30, с. 104].

Как и в эпоху Коминтерна динамика отношений между СССР и Аргентиной в политической и экономической областях была различной. Авторитарное правление военной хунты в 1955—1958 гг. не влияло на товарооборот Москвы и Буэнос-Айреса. Советские делегации разного уровня неоднократно посещали Аргентину, развивались культурные связи по линии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), преобразованного в 1958 г. в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Консервативный характер аргентинского военного правительства не мешал Москве вести официальную переписку с культурными организациями Аргентины, собирать материалы через ТАСС [31], организовывать визиты аргентинских ученых и писателей в СССР, развивать сотрудничество в сфере науки, искусства, распространять книги. Министерство социального обеспечения РСФСР поддерживало контакты с аргентинскими коллегами для обмена опытом [32], ЦК КПСС и МИД СССР осуществляли постоянный сбор информации о состоянии левого движения в стране через посольство и связи с лидерами левых организаций Аргентины, которые при этом находились под постоянным давлением и контролем военного режима.

На интенсивность экономических связей влияли не столько политические процессы в самой Аргентине, сколько региональные и глобальные внешнеэкономические условия. Денонсация торговых соглашений с СССР, произошедшая в 1962 г., стала следствием переговоров правительства Аргентины не столько с США, сколько с Международным валютным фондом. Страна изменила свою экономическую стратегию, провозгласив следование принципу либерализации торговли. Правительство решительно диверсифицировало внешнеэкономические связи, убирая любые преференции для отдельных партнеров и пересматривая таможенное регулирование и тарифы [33, р. 761].

Между тем разрыв договоренностей с СССР нельзя воспринимать только как проявление политических антисоветских настроений. Конечно, за-

метно, что под ударом оказались прежде всего контакты с СССР, ГДР и иными странами Восточного блока, отдельными государствами Азии, но речь шла, прежде всего, о пересмотре экономических отношений под влиянием внешнеэкономических, а не политических факторов. Позднее, после прихода к власти новой военной хунты (1966—1973 гг.), в отношении Аргентины и СССР стал вмешиваться идеологический фактор. Президент Хуан Карлос Онгания (1966—1970) провозгласил принцип «идеологических границ», что, как указывает И.Хилберт, привело к установлению как экономической, так и политической дистанции между странами [10, р. 227]. Этот принцип был отменен уже спустя пять лет при президенте Алехандро Лануссе (1971—1973), настаивавшем на развитии торговых и политических отношений со всеми странами и подписавшим очередное соглашение между Москвой и Буэнос-Айресом о режиме наибольшего благоприятствования в торговле, которое, однако, не дало видимых результатов [10, р. 228].

Короткий период демократического правления в Аргентине (1973—1976) стал временем оживления внимания Буэнос-Айреса к Москве. Интенсифицировались экономические связи: к 1974 г. 2% всего аргентинского экспорта шло в СССР. В том же году были созданы Советско-аргентинская торговая палата и Смешанная советско-аргентинская комиссия по экономическому, торговому и научному сотрудничеству [30, р. 120].

Стоит отметить, что и военные президенты, и президенты демократического периода воспринимались СССР крайне сдержанно. Например, советская печать увязывала политику Онгания с диктатом американских монополий и желанием президента помогать «американским капиталам грабить народы Латинской Америки» [34]. Описание возвращения страны к конституционному правлению в 1973 г. строилось в советской печати через акцентирование внимания на важности освобождения политзаключенных, борьбы с американским империализмом, возврат заводов и фабрик под управление рабочего класса и т.д. Развитие экономических связей — их интенсификация или «заморозка» — не имели прямой корреляции ни с личностями аргентинских президентов, ни с политическими оценками аргентинского правительства Москвой. Советская пресса указывала, что перонизм — основная политическая сила Аргентины, лозунги которой — возобновление отношений с Кубой, улучшение жизни рабочих, сопротивление давлению международных финансовых структур — находят поддержку среди аргентинского народа [35].

Можно согласиться с мнением М.Рапопорта [8, р. 239] о том, что внешняя политика и внеэкономическая деятельность Аргентины в 1950—1970 гг. строилась в формате треугольника, два «угла» которого — США и СССР — имели собственные место и роль в структуре внешних связей Буэнос-Айреса. При этом американский и советский рынки сбыта не пересекались между собой, а их товары почти не конкурировали на рынке Аргентины. Рапопорт связывает это с экономическим мышлением аргентинских политиков, которые разделяли торгово-экономические выгоды и вопросы политической идеологии, тогда как антисоветская риторика могла использоваться с символической целью ради «успокоения» американских партнеров. Связи с СССР задействовались для снижения негативных последствий

отношений Аргентины с МВФ, а также для сокращения зависимости страны от западных капиталов. Этим объясняется отсутствие корреляции между политическим режимом в Аргентине (военное или гражданское правление) и интенсивностью товарооборота с СССР. Во многом эта система была продолжением традиций, заложенных в межвоенный период, когда, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, странам удалось создать эффективную систему торговли. Тот факт, что в 1976 г. в Аргентине к власти снова пришли военные, никак не повлиял на товарооборот Москвы и Буэнос-Айреса. Это стало временем выхода объема торговых связей на пиковые показатели, что было связано с экономической программой правительства Аргентины и коммерческими интересами Буэнос-Айреса. Уже в 1975 г. на СССР приходилось 10% аргентинского экспорта, а в 1978 г. СССР закупил 66% всего аргентинского зерна, продававшегося за границу [36, р. 23].

Несмотря на военный режим, сохранялись контакты по партийной линии между советскими и аргентинскими коммунистами. Так, делегация *РСА* в составе генерального секретаря Херонимо Арнедо Альвареса и членов ЦК партии Эктора Агости и Иолы Кароти участвовала в работе XXV съезда КПСС в 1976 г. [37]. Советские общественные структуры продолжали активную переписку с аргентинскими коллегами. Например, такую переписку ежегодно вел Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) с рабочими и профсоюзными аргентинскими организациями, излагая свою точку зрения на ситуацию в стране и мире, оказывая методическую и теоретическую поддержку, передавая литературу и планируя обмен делегациями [38]. Лидеры *РСА* периодически беседовали с советскими дипломатами, давая оценки политическим тенденциям в стране. С этим во многом можно связывать эволюцию отношения Москвы к Х.Д.Перону, вернувшемуся к власти в 1973 г. Так, лидер *РСА* Арнедо Альварес полагал, что правление Перона могло бы помочь коммунистам вновь начать играть значимую роль на политической арене, так как последний был нацелен на конституционное правление, отказ от военной диктатуры и при этом занимал антиамериканские позиции [39].

В 1950—1970-е годы контакты с Аргентиной развивались и через Комитет советских женщин. Советская сторона не только посылала литературу в Буэнос-Айрес, но и собирала информацию о состоянии аргентинского женского движения. В Комитете советских женщин готовились обзоры аргентинского журнала *Nuestras mujeres*, анализировалась деятельность аргентинских женских организаций, шла переписка с Союзом аргентинских женщин, представители комитета направляли в южноамериканскую страну антиамериканские и антиимпериалистические воззвания [40].

Общей чертой экономических отношений в этот период оставалось превалирование аргентинского экспорта в СССР над советским экспортом в Аргентину. Объем аргентинских поставок рос практически ежегодно, в то время как советский экспорт в Аргентину стагнировал и оставался на одной и той же уровне [41, pp. 18-20]. Аргентина продавала в СССР зерно, мясо, продукцию сельского хозяйства, продукты питания, а СССР постав-

лял в Аргентину товары промышленного производства, которые не всегда могли конкурировать со своими традиционными соперниками на аргентинском рынке — США, Европы и других латиноамериканских стран. Характер экономических связей Аргентины и СССР в период холодной войны носил на себе отпечаток довоенных традиций: Москва явно не воспринимала Южную Америку как своего стратегического политического партнера, но при этом решала текущие социально-экономические задачи за счет торговли с государствами региона. Торговые связи СССР и Аргентины, начавшиеся в 1920-е годы покупкой зерна, сохраняли подобное содержание вплоть до начала советской Перестройки, а в глобальном смысле — и после нее.

ВРЕМЯ ДЕМОКРАТИИ И НАДЕЖД (1983—1991)

В начале 1980-х годов общие тенденции экономических отношений продолжали развиваться. Торговый баланс непрерывно рос в пользу Аргентины: в 1980 г. доля СССР занимала 20% аргентинского экспорта, при этом Москва купила у Буэнос-Айреса 80% всего экспортного зерна. Доля советского импорта в экономике Аргентины составляла в то же время 0,3% [42]. Нарастание аргентинских поставок в СССР было связано не с политическим диалогом или контактами левых сил, а с изменением внешних условий: эмбарго, которое ввели США и страны Запада в ответ на ввод советских войск в Афганистан. Буэнос-Айрес, не присоединившийся к эмбарго, успешно воспользовался торговыми ограничениями и стал использовать их для увеличения своей доли в импорте в СССР.

Причинами изменения торгового баланса в 1980-е годы были не политические отношения или контакты левых сил, а внешние факторы и макроэкономические процессы в СССР. В частности, рост собственного урожая зерна приводил к снижению закупок Москвой зерна в Аргентине. Другой причиной было снижение покупательной способности СССР на фоне падения цен на нефть в условиях войны в Афганистане. Снятие США эмбарго в отношении торговли зерном с СССР также влияло на объемы аргентинских поставок.

Новым фактором развития отношений оказались события на Фолклендах в 1982 г. Правительство Аргентины видело, что основной торговый партнер — США — выступал на стороне Великобритании. При этом Москва заняла в конфликте проаргентинскую позицию. Официальная позиция СССР, изложенная ТАСС на страницах газеты «Известия» и других ведущих СМИ страны, состояла в том, что ответственность за военный конфликт несет только Англия, которая совершила «массированное нападение» на острова, и Лондон пытается восстановить их колониальный статус, «бросая вызов мировому сообществу» [43]. Итогом нового поворота аргентинской дипломатии в сторону СССР стали разрешение на полеты «Аэрофлота» в Буэнос-Айрес, соглашения о сотрудничестве в области атомной энергетики, продление соглашений о поставке машин и оборудования, усовершенствование механизма платежей Аргентины за советский импорт, закупка советского оборудования для модернизации речной транспортной системы (маяков, чистки бассейнов рек), электрификации

железных дорог. СССР выиграл конкурс на поставку турбин и генераторов для аргентинских ГЭС. Можно согласиться с российским исследователем Г.В.Бестолковой, которая указывает на важность поддержки СССР Аргентины в Фолклендском конфликте как значимый аспект развития политических и экономических отношений [44, р. 80].

Выйдя на пиковые показатели к 1986 г., впоследствии торговый оборот между странами стал неуклонно сокращаться. При этом торговый баланс в течение 1970—1980-х годов складывался в пользу Аргентины. Разница между аргентинским экспортом в СССР и советским экспортом в Аргентину достигала 15 млрд долл. США [45, р. 77]. Аргентинские правительства стремились расширить поставки своей продукции в СССР, но при этом были вынуждены решать и социально-политические задачи, прислушиваясь к мнению своих производителей, которые не желали вести конкурентную борьбу с советской промышленностью. В связи с этим поставки из СССР носили государственный характер, предназначались для решения национальных задач, помогали аргентинским правительствам заниматься модернизацией производства, транспорта и энергетики.

В 1980-е годы в обеих странах начались серьезные экономические проблемы, которые препятствовали росту импорта. Рост ВВП Аргентины упал до 2-3% в год, что в купе с необходимостью обслуживать внешние долги снижало возможности страны по наращиванию импорта. В СССР внутренние экономические проблемы также отодвигали на второй план торговые контакты с Южной Америкой. Стоит отметить, что рост товарооборота в 1970—1980-е годы носил очевидный экстенсивный характер: СССР делал упор на объемы поставок, на расширение номенклатуры товаров, а не на их качество, которое зачастую уступало иным импортным товарам. Для сохранения поставок использовались товарные кредиты, соглашения с прописанными обязательствами по объему аргентинских закупок, льготные кредитные линии, снижавшие доходность всех операций и соглашений. Существенным фактором была и непреодолимая зависимость аргентинской экономики от западных банков, инвесторов и рынков, которая мешала полноценно диверсифицировать торговые связи.

При этом даже в последние годы существования СССР в условиях существенных политических и экономических проблем дипломатическая работа продолжала вестись на стандартном уровне: аргентинские делегации посещали СССР в 1987—1988 гг. [46], а советские представители ездили в Буэнос-Айрес в 1989 г. [47]. В ходе встреч обсуждались проекты дальнейшего экономического сотрудничества, однако и СССР, и Аргентина в тот период времени меняли приоритеты внешней политики, а высшие органы государственной власти были заняты решением насущных социально-экономических проблем. При этом велась работа в области культурных связей, в частности, по линии ССОД поддерживалась деятельность Общества дружбы «СССР — Аргентина», которая, в частности, состояла в издании литературы, проведении художественных выставок и пр. [48].

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Традиции отношений между СССР и Аргентиной закладывались в довоенную эпоху. Их характерной чертой стало разделение политического, экономического и идеологического аспектов контактов. Если политические отношения в 1917—1946 гг. не были официально оформлены, то экономические связи (через «Южамторг») и идеологические (через Коминтерн), наоборот, развивались интенсивно и успешно. Безусловно, стоит отметить важность влияния СССР на формирование и развитие коммунистического движения в Аргентине: сама *РСА* была региональным организационным центром, связывавшим Москву и южноамериканские компартии. В 1920-е годы была сформирована структура товарообмена: Аргентина начала поставлять в СССР продукцию сельского хозяйства, в то время как последний поставлял либо энергоресурсы, либо продукцию химического и промышленного производств. Объемы и интенсивность экономических связей при этом не зависели от интенсивности политических контактов и характера политического режима в Аргентине. И военные диктаторы, и гражданские президенты относились к СССР сдержанно и выстраивали отношения, исходя из национальных коммерческих интересов.

Контакты левых сил СССР (КПСС) и Аргентины не были основным фактором развития двусторонних связей. Стоит отметить, что советские функционеры не создали для Аргентины какой-то особой модели информационной и организационной работы. Сотрудники советских посольств вели беседы с представителями левых сил Аргентины, содержание которых становилось известно как руководству КПСС, так и сотрудникам внешнеполитических ведомств и спецслужб. Но эти беседы не приводили к новым экономическим успехам: объемы советских поставок в Аргентину были всегда не самыми большими, а номенклатура товаров начала меняться лишь в 1980-е годы. При этом долгое время *РСА* и иные левые силы находились в сложном положении, работая зачастую на полулегальном или нелегальном положении, что не позволяло им вести парламентскую работу и оказывать существенное воздействие на выработку внешнеполитических решений. Контакты СССР с левыми силами позволяли собирать информацию о состоянии политических и социально-экономических процессов в стране, но сами аргентинские левые не находились у власти и не были значимыми акторами правительственной работы.

На развитие двусторонних отношений влияли не столько внутренние процессы, происходившие в СССР и Аргентине, сколько внешние факторы — деятельность и решения США, условия мировой экономики, ход военных конфликтов и т.д. Дипломатическое сближение стран не было продуктом системного планирования и целеполагания, но становилось следствием изменения общемировой экономической конъюнктуры. Внешние факторы — эмбарго на стороны США, цены на нефть и т.д. — либо сближали Москву с Буэнос-Айресом, либо понижали значимость этих связей. Во многом подобные тенденции характерны и для современных российско-аргентинских отношений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Псевдоним - Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! *Латинская Америка*. М., 1993, № 3, сс. 107-115. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Pseudonym - Borodin. Nastoyashchaya familiya? Lafaiet! [Pseudonym - Borodin. Real last name? Lafayette!]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 1993, N 3, p. 107-115 (In Russ.).
2. Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Встреча двух революций: Советская Россия, Коминтерн и Мексика в 1919-1921 гг. *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. М., 2018, № 7(71). [Jeifets V. L., Jeifets L. S. Vstrecha dvukh revolyutsii: Sovetskaya Rossiya, Komintern i Meksika v 1919-1921 gg. [The Encounter of two revolutions: Soviet Russia, the Comintern and Mexico in 1919-1921]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, Moscow, 2018, N 7(71). Available at: <https://history.jes.su/s207987840002391-9-1/> (accessed: 19.12.2022). (In Russ.).
3. Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б), сентябрь 1922 г. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф.17, оп.3, д. 314, л. 3. [Protokol zasedaniya Politbyuro TsK VKP(b), sentyabr' 1922 g. [Minutes of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, September 1922]. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. 17, op. 3, d. 314, l. 3 (In Russ.).
4. Suchlicki J. Soviet Policy in Latin America: Implications for the United States. *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*. Miami, 1987, vol. 29, N1, pp.25-46.
5. Light M. Soviet Policy in the Third World. *International Affairs*. Oxford, 1991, vol. 67, N 2, pp. 263-280.
6. Vacs A.C. Soviet Policy toward Argentina and the Southern Cone. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Washington, 1985, vol. 481, pp. 159-171.
7. Mastny V. The Soviet Union and the Falklands War. *Naval War College Review*. Newport, 1983, vol. 36, N 3, pp. 46-55.
8. Rapoport M. Argentina and the Soviet Union: History of Political and Commercial Relations (1917-1955). *The Hispanic American Historical Review*. Duke University, 1986, vol. 66, N 2, pp. 239-285.
9. Camarero H. A la conquista de la clase obrera: las comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920-1935. Buenos Aires, Siglo XXI, 2007, 400 p.
10. Gilbert I. El oro de Moscú: Historia secreta de la diplomacia, el comercio y la inteligencia soviética en la Argentina. Buenos Aires, Penguin Random House Grupo Editorial Argentina, 1994, 560 p.
11. Duncan R.W. Soviet Interests in Latin America: New Opportunities and Old Constraints. *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*. Miami, 1984, vol. 26, N 2, pp. 163-198.
12. Campione D. El comunismo en Argentina. Sus primeros pasos. Buenos Aires, Centro Cultural de Cooperación Floreal Gorini, 2005, 171 p.
13. Alexander R.J. A history of organized labor in Argentina. Westport, Praeger, 2003, 256 p.
14. Казаков В.П. Социалисты против радикалов: споры о путях развития Аргентины. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2019, № 22, сс. 7-34. [Kazakov V. P. Sotsialisty protiv radikalov: spory o putyakh razvitiya Argentiny [Socialists against radicals: disputes about the development of Argentina], *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. Moscow, 2019, N 22, pp. 7-34. (In Russ.).
15. Щелчков А.А. "Долгие 60-е" и "новые левые" в Аргентине: кризис марксизма и поиск латиноамериканской теории общественного развития. *Диалог со временем*. М., 2022, № 7, сс. 119-135. [Shchelchikov A.A. "Dolgie 60-e" i "novye levye" v Argentine: krizis marksizma i poisk latinoamerikanskoi teorii obshchestvennogo razvitiya ["The Long 60s" and the "New Left" in Argentina: the Crisis of Marxism and the Search for a Latin American Theory of Social Development]. *Dialog so vremenem*. Moscow, 2022, N 7, pp. 119-135 (In Russ.).
16. Jeifets V., Jeifets I. The Comintern, soviet diplomacy and Latin America (1919-1941). / Baisotti P. (ed.). *A new struggle for independence in modern Latin America*. New York, Routledge, 2021, pp. 90-122.

17. Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Станислав Пестковский. Товарищ Андрей. Двойной портрет в мексиканском интерьере. СПб., Нестор, 2002, 50 с. [Jeifets L. S., Jeifets V. L. Stanislav Pestkovskii. Tovarishch Andrei. Dvoinoi portret v meksikanskom inter'ere. [Stanislav Pestkovsky. Comrade Andrei. Double portrait in a Mexican interior]. Saint-Petersburg, Nestor, 2002, 50 p. (In Russ.).]
18. Хейфец Л.С., Андреев А.С. Латинская Америка во внешней политике СССР в 1920-1930-е годы (по материалам протоколов заседаний политбюро ЦК ВКП(б)). *Новейшая история России*. СПб., 2017, №4(21), сс. 56–68. [Jeifets L.S., Andreev A.S. Latinskaya Amerika vo vneshnei politike SSSR v 1920-1930-e gody (po materialam protokolov zasedanii politbyuro TsK VKP(b)) [Latin America in the foreign policy of the USSR in the 1920-1930s (based on the minutes of the meetings of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks)]. *Noveishaya istoriya Rossii*, Saint-Petersburg, 2017, N 4 (21), pp. 56-68 (In Russ.).]
19. Чичерин Г.В. Статьи и речи. М., Издательство социально-экономической литературы, 1961, 516 с. [Chicherin G. V. Stat'i i rechi. [Articles and speeches]. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1961, 516 p. (In Russ.).]
20. Piemonte V. A. La Internacional Comunista y su Sección Argentina: discordia en torno del “frente único” a comienzos de la década de 1920. *Izquierdas*, Santiago de Chile, 2014, N 19, pp. 172-193.
21. Казаков В.П. Радикалы и советско-аргентинские отношения (по материалам отечественных архивов), *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. М., 2009, № 4, сс. 41–52. [Radikaly i sovetsko-argentinskie otnosheniya (po materialam otechestvennykh arkhivov) [Radicals and Soviet-Argentine relations (based on domestic archives)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. Moscow, 2009, N 4, pp. 41–52. (In Russ.).]
22. СССР и Латинская Америка. 1917–1967. М., Международные отношения, 1967, 214 с. [SSSR i Latinskaya Amerika. 1917–1967 [USSR and Latin America. 1917–1967]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1967, 214 p. (In Russ.).]
23. *Правда*. [Pravda]. 12.07.1946. (In Russ.).]
24. Камареро Э. Неожиданные повороты истории. Коммунистическая партия Аргентины и вызов перонизма. / Хейфец В.Л. (ред.). *Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы*. М., Весь мир, 2021, сс. 355–374. [Camarero H. Neozhidannye povoroty istorii. Kommunisticheskaya partiya Argentiny i vyzov peronizma [Unexpected turns of history. The Communist Party of Argentina and the Challenge of Peronism]. Jeifets V.L. (ed.). *Komintern v Latinskoi Amerike: istoricheskie traditsii i politicheskie protsessy*. Moscow, Ves' mir, 2021, pp. 355–374. (In Russ.).]
25. *Правда*. [Pravda]. 07.09.1947. (In Russ.).]
26. *Известия*. [Izvestiya]. 11.11.1947 (In Russ.).]
27. Olivari R. E. El comercio exterior argentino. Reorganización necesaria. Buenos Aires, Edinorte, 1963, 278 p.
28. Об открытии в 1952 году Представительства Всесоюзного кинообъединения "Совэкспортфильм" в Аргентине. ГАРФ, ф. Р5446, оп. 86а, д. 8503, л. 1–6. [Ob otkrytii v 1952 godu Predstavitel'stva Vsesoyuznogo kinoob"edineniya "Soveksportfil'm" v Argentine [On the opening in 1952 of the Representative Office of the All-Union Film Association "Sovexportfilm" in Argentina]. GARF, f. R5446, op. 86a, d. 8503, l. 1–6. (In Russ.).]
29. Сизоненко А.И. Советско-латиноамериканские отношения за 60 лет. *Вопросы истории*. М., 1982, №11, сс. 45-52. [Sizonenko A.I. Sovetsko-latinoamerikanskije otnosheniya za 60 let [Soviet-Latin American relations for 60 years]. *Voprosy istorii*. Moscow, 1982, N 11, p. 45-52. (In Russ.).]
30. Perosa H.R. Las relaciones económicas de la Argentina con la Unión Soviética. Buenos Aires, Eural, 1988, 245 p.
31. ТАСС. Справки об Аргентине, 1960. ГАРФ, ф. Р4459, оп. 27, д. 20809. [TASS. Spravki ob Argentine, 1960 [TASS. References about Argentina, 1960]. GARF, f. R4459, op. 27, d. 20809. (In Russ.).]

32. Переписка с организациями Латинской Америки, Аргентины, Чили и США об обмене опытом работы, 1956 г. ГАРФ, ф. А413, оп. 1, д. 2888, л. 1–10. [Perepiska s organizatsiyami Latinskoi Ameriki, Argentiny, Chili i SShA ob obmene opytom raboty, 1956 g. [Correspondence with organizations in Latin America, Argentina, Chile and the USA on the exchange of experience, 1956]. GARF, f. A413, op. 1, d. 2888, l. 1–10. (In Russ.).
33. Documentación iberoamericana – 1963. Madrid, Instituto de Cultura Hispánica, 1964, 2360 p.
34. *Правда*. [Pravda]. 19.12.1966. (In Russ.).
35. *Правда*. [Pravda]. 14.03.1973] (In Russ.).
36. Agricultural Situation. USSR. Review and Outlook. United States. Department of Agriculture. Washington, 1976, 48 p.
37. *Известия*. [Izvestiya]. 21.02.1976. (In Russ.).
38. Переписка ВЦСПС с профсоюзными и рабочими организациями Алжира, Анголы и Аргентины об укреплении связей, обмене опытом работы и обмене делегациями. ГАРФ, ф. Р5451, оп. 45, д. 2329, л. 100–129 [Perepiska VTsSPS s profsoyuznymi i rabochimi organizatsiyami Alzhira, Angoly i Argentiny ob ukreplenii svyazei, obmene opytom raboty i obmene delegatsiyami [Correspondence of the All-Union Central Council of Trade Unions with trade unions and workers' organizations of Algeria, Angola and Argentina on strengthening ties, exchanging work experience and exchanging delegations]. GARF, f.R5451, op.45, d.2329, l. 100–129. (In Russ.).
39. Беседа с Х.Арнедо Альваресом, январь 1975 г. Российский государственный архив новейшей истории, ф. 5. Оп. 50. Д. 691. Л. 41. [Beseda s Kh. Arnedo Al'varesom, yanvar' 1975 g. [Conversation with J. Arnedo Alvarez, January 1975]. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii, f. 5. op.50. d.691. l.41 (In Russ.).
40. Справка о Союзе Аргентинских женщин, 1973 г. ГАРФ, ф. Р7928, оп. 3, д. 3197, л. 1–3 [Spravka o Soyuze Argentinskikh zhenshchin, 1973 g. [Information about the Union of Argentine Women, 1973]. GARF, f. R7928, op. 3, d. 3197, l. 1–3 (In Russ.).
41. Schmidt R. U.S. and Soviet Relations with Argentina. New York, Rand Corporation, 1989, 70 p.
42. Comercio exterior, anuarios de INDEC. Buenos Aires, 1981, 742 p.
43. Заявление ТАСС, *Известия*, 25.05.1982 [Zayavlenie TASS [TASS statement]. *Izvestiya*, 25.05.1982. (In Russ.).
44. Bestolkova G.V. Russian Foreign Policy towards Argentina. / Baisotti P. (ed.). *A new struggle for independence in modern Latin America*. New York., Routledge, 2021, pp. 68-89.
45. Estadísticas de comercio exterior: guía para su utilización en la investigación de los mercados, Ginebra: CCI, 1992, 414 p.
46. Документы о пребывании правительственных делегаций и официальных лиц провинции Кордова (Аргентина), 1988. ГАРФ, ф. А612, оп.1, д.648, л.1-32 [Dokumenty o prebyvanii pravitel'svennykh delegatsii i ofitsial'nykh lits provintsii Kordova (Argentina), 1988 [Documents on the stay of government delegations and officials of the province of Cordoba (Argentina), 1988]. GARF, f. A612, op.1, d.648, l. 1-32 (In Russ.).
47. Документы о пребывании правительственных делегаций и официальных лиц РСФСР в Аргентине, 1989. ГАРФ, ф.А612, оп.1, д.694, л.1-87. [Dokumenty o prebyvanii pravitel'svennykh delegatsii i ofitsial'nykh lits RSFSR v Argentine, 1989 [Documents on the stay of government delegations and officials of the RSFSR in Argentina, 1989]. GARF, f.A612, op.1, d.694, l. 1-87 (In Russ.).
48. Документы о работе общества дружбы "СССР-Аргентина" (планы, отчеты, выступления, программы), 1989. ГАРФ, ф.Р9576, оп.20, д.6269, л.1-12. [Dokumenty o rabote obshchestva druzhby "SSSR-Argentina" (plany, otchety, vystupleniya, programmy), 1989 [Documents on the work of the USSR-Argentina Friendship Society (plans, reports, speeches, programs), 1989]. GARF, f. R9576, op.20, d.6269, l. 1–12 (In Russ.).

Anton S. Andreev (a.s.andreev@spbu.ru)

PhD, Hist., Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations of Saint-Petersburg State University; Associate Professor at GUAP.

Universitetskaya nab., 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

The article was prepared under the RSF grant 19-18-00305-P “Comintern in Latin America: historical traditions and political processes”.

Argentina in the foreign policy of the USSR in the context of the left movement (1945–1991)

Abstract. At the beginning of the XXI century Argentina remains one of Moscow's main partners in Latin America. At the same time, the tools, problems, and context of modern bilateral cooperation were formed during the post-war period. This article examines the place and role of Argentina in the foreign policy of the USSR in the era of the Cold War. Based on state documents, the press, foreign policy documents, the article shows how the links between the left movement of Argentina and the USSR influenced the development of bilateral relations. Considering the history of relations, the author shows the factors that influenced their formation. The article shows the features of Argentina in the context of the Latin American vector of the foreign policy of the USSR in the second half of the 20th century, with special attention paid to the relationship between economic and political contacts between the two countries. The study shows that the peculiarities of the political regime in Argentina and the assessments of the Argentine policy made by the Soviet side did not have a direct impact on the volume of trade between the countries; the political, economic and ideological contacts between the USSR and Argentina developed in parallel directions and did not have a direct connection with each other.

Key words: foreign policy of the USSR, Soviet-Argentinean relations, Comintern.

DOI: 10.31857/S0044748X0025406-5

Received 12.01.2023.